

МАССОВИЗАЦИЯ КАК АРТЕФАКТ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Панга Е.В.¹, Логинова Н.Е.²

¹Панга Елена Владимировна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой;

²Логинова Наталья Евгеньевна – кандидат исторических наук, преподаватель,
кафедра экономики, права и социально-гуманитарных дисциплин,
Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
Московский государственный образовательный комплекс,
г. Москва

Аннотация: в статье анализируется социально-культурный аспект современного общества. Кризис – понятие обыденное в современной публицистике. Сам кризис как экономическое или социальное явление существует исключительно в информационном поле, в виртуальной реальности, в одной из модальностей нашего существования, поэтому кризис реален, но реален лишь в определённых онтологических рамках, в которых мы и можем его интерпретировать самыми разнообразными способами. Кризис российского общества вполне закономерный и объективный, как и все социальные кризисы. Бездуховность – главная причина кризиса. Результатом многовекового развития науки и техники, поиска человеком «свободы» стала изменившаяся система ценностей, приоритетов. Первый – еда, секс, семья. Второй – богатство и деньги. Третий – почет и слава. Четвертый – знания. Однако, если общество живет и развивается, качественные изменения необратимо назревают, и общественная потребность в них все больше осознается.

Ключевые слова: цивилизация, кризис, массовая культура, информация, общественные отношения, общество, история, развитие, социальные проблемы.

Существование кризиса в российском обществе стало обыденным в современной публицистике. Откуда вообще исходит информация о наличии кризиса? Объективная, повседневная жизненно-практическая, чувственно-предметная действительность не даёт никаких оснований для этого вывода; рост цен, в том числе его резкие скачки, постоянно сопровождают нашу жизнь; спад производства и рост безработицы также принадлежат к явлениям знакомым и не всегда ассоциирующимся с кризисом; ликвидация предприятий, фирм – особенно мелких – явление рядовое. Импортные товары продолжают поступать в продажу, уровень потребления не снижается, а растёт, коммунальные службы работают, инфраструктура не нарушается.

Очевидные сведения о кризисе мы получаем из средств массовой информации, «объявивших» кризис как очередную идеологическую кампанию. Сам кризис как экономическое или социальное явление существует исключительно в информационном поле, в виртуальной реальности, в одной из модальностей нашего существования, поэтому кризис реален, но реален лишь в определённых онтологических рамках, в которых мы и можем его интерпретировать самыми разнообразными способами. Например, как игру, как политическую акцию, как социальный эксперимент, как модификацию коммуникативного поля общения власти с народом и т.д.

Наиболее привычное интерпретация – политическая: поиск общего для нации «врага», идейно-политическая мобилизация, оживление на этой почве так называемых политических движений, меж- и внутрипартийная полемика и т.п., что укладывается в интерпретативную модель имитации социальной активности.

Ещё одна интерпретация: кризис действительно существует, однако он не ограничен периодом 2008 – 2009 годов. Это системный кризис российского общества, длительный и затяжной, хотя и вполне закономерный и объективный. Вообще, социальные кризисы – явления нередкие и закономерные, они могут происходить в обществе в целом и в его отдельных сферах. Глубокий тотальный и преодоленный в позитивном направлении кризис называют социальной революцией.

Российское общество развивается в форме массового общества с его трудностями и проблемами. Массовое общество – деструктивная модель социума, конечно, временная, промежуточная – вторичная смесительное управление по К.Н. Леонтьеву, (вспомним хотя бы «новую историческую обществ- советский народ», национальный российский вариант массы). Некоторые развитые страны мира уже преодолели этот период и переходят к социальной системе с качественно определённой стратификацией. Россия задержалась на этом пути, который сам по себе есть состояние критическое. В таком свете демонстрация российскому обществу его собственного кризиса есть лишь попытка выдать большее зло за меньшее, спрятать большие проблемы под меньшими, один кризис под другим. В то время как обычно идеологической процедурой является представление частного интереса в виде общего, в данном случае мы сталкиваемся с обратной процедурой: тотальный системный кризис представляется в виде частного, преходящего и преодолимого кризиса. Можно назвать это «игрой» элиты с массой, но эта игра есть не что иное, как серьёзная политика.

Пожалуй, единственная реальная черта, смыкающая виртуальный кризис и реальное существование человека, это спад потребления, по существу, знаменующий собой общественную потребность в смене моделей потребления. Существующее положение в экономике не даёт оснований для позитивного ответа на этот запрос общества ни в каком варианте (расширения или той или иной реструктуризации потребления). Единственно возможный выход здесь – это принять существующее положение вещей, как бы реально обосновав его. По-видимому, сокращение рабочих мест призвано просто напугать людей и активизировать потребление в старых формах; в таком случае эффект будет весьма незначительным: от перемены рабочих мест образ жизни, качество жизни и способ потребления не меняются. Российское общество незначительно стратифицировано, поэтому и культурных моделей потребления очень мало. Можно даже утверждать, что в нашем обществе вообще только одна общероссийская массовая модель потребления: на всех уровнях социальной пирамиды мы видим только количественные различия в параметрах (иногда со знаком «минус»), но не качественные. Отсюда попытки расшатывания этой косной модели: возвращение к истокам,

почвенничество, эзотерика, реанимация религиозности, ностальгические реминисценции, спортивный ажиотаж, псевдоклассическая эстетика и т.п.

До недавнего времени кризис проявлялся в самых разных формах, общим знаменателем которых является бездуховность, выражающаяся в безразличии промышленно развитых государств к нищете в странах третьего мира, гибели миллионов детей в них от причин, которые можно было бы предупредить, и т.д. Теперь кризис становится глобальным, он захватывает такие сферы, как окружающая среда, климат, вода и др., которые составляют естественные основания всеобщего бытия. Это показывает как опасны бездуховность и безразличие, ведущие к кризису Человека. Приоритет экономических ценностей над другими, в частности духовными ценностями, привел, по словам Н. Бердяева, к тому, что «автономия хозяйственной жизни привела к ее господству над всей жизнью человеческих обществ».

Развития в сфере общественных отношений, науки и культуры не дало человечеству ничего кроме разочарования. Иначе как еще объяснить поворот к старым ценностям. Весь мир начинает сейчас снова раскрывать в себе тягу или к традиционным религиям, или, может быть, в несколько иной форме — к всевозможным мистическим учениям и так называемым духовным методикам. И кажется, что происходит возврат к прошлому. На самом деле религии находятся в стадии агонии, и возврат происходит для того, чтобы проверить их, снова пересмотреть и увидеть, что и они тоже, в сущности, не приносят человеку ожидаемых результатов, не оправдывают тех надежд, которые на них когда-то возлагались, и человеку только кажется, что он, тем не менее, сможет найти для себя в них какую-то опору.

Современный человек, с его эмоциональным опустошением, ничего не знает о своей бездуховности, видит смысл жизни в материальном, забывая о более высоком предназначении человека. Естественно, новоевропейская история, вступившая на путь превращения всех ценностей в товар, должна была «расплатиться», став жертвой своего прагматизма и практицизма. Другие менее развитые страны и культуры последовали за новоевропейской индустриально-технологической цивилизацией.

Особенно резко тезис о кризисе цивилизации звучал в тот период, когда в Европе господствовал фашизм, подавляя свободу, показывая бессилие рационалистических установок перед силой. После поражения фашизма казалось, что кризис миновал. Но однако, он приобрел новую форму в виде нарастания глобальных проблем. Одновременно это кризис современного человека вообще, способа его самореализации. Другого способа успешной самореализации современный человек не знает, кроме того, что следовать за промышленно развитыми странами Западной Европы и Америки. Вот почему можно сказать, что современный человек, способ его бытия находятся в кризисе и это та точка, в которой «пересекаются» интересы философии, религии, науки и других форм освоения человеком природы и самого себя, осознания своего настоящего и будущего.

Сегодня, когда рухнули многие идеологические системы, человек, утратив смысл жизни, теряется в поисках духовной опоры среди массы, паразитирующих на проблемах духовности, необразованных людей, сводящих этот поиск лишь к решению бытовых проблем.

Результатами многовекового развития науки и техники, поиска человеком «свободы» стали изменившаяся система ценностей, приоритетов. Первый - еда, секс, семья. Второй - богатство и деньги. Третий - почет и слава. Четвертый - знания.

Однако, если общество живет и развивается, качественные изменения необратимо назревают, и общественная потребность в них все больше осознается. Если власть не может дать ответ на этот вызов (ответ обязательно предусматривает структурные изменения власти), она тем или иным способом пытается консервировать существующее положение вещей идеологическими средствами, оставаясь, по крайней мере, хотя бы в поле рациональности.

Список литературы

1. *Гуревич П.С.* Человек и культура. М., 1998.
2. *Злобин Н.С.* Культура и общественный прогресс. М., 2000.
3. *Культура: теории и проблемы // Под. ред. Т.Ф. Кузнецовой.* М., 1995.